

рического отдела; этот материал должен входить в экспозицию как ее органическая часть. Исторические, этнографические и экономические материалы должны комплексно представлять каждую тему. Должны быть приняты меры по пополнению фондов необходимыми коллекциями. Особое внимание должно быть уделено изучению и собиранию современного этнографического материала, в частности материалов по культуре и быту колхозников.

Н. Такова

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА САМАРКАНДСКОГО МУЗЕЯ

Начало этнографической работы Самаркандского музея, открытого в 1896 г., было положено при самом его основании, с поступлением первых этнографических предметов, попавших туда в качестве раритетов, диковинок (деревянные калоши на трех высоких каблуках, бронзовые кувшины и другие, столь же случайные вещи). Но систематического собирания этнографических коллекций музеем до Октябрьской революции не производилось. Научные интересы его первых сотрудников лежали в области археологии и изучения природных богатств края. Изучение населявших Самарканд и Самаркандскую область народов не было связано с музеем. В его ранних коллекциях не получили отражения, например, работы Гребенкина, изучавшего важный вопрос о ремеслах в Самаркандской области (входившей тогда в Зеравшанский округ). Этнографические коллекции музея в течение этого периода пополнялись главным образом за счет пожертвований со стороны местных богачей и чиновников. Такой любительский характер носила этнографическая работа музея до самой революции. Подбор экспонатов был совершенно случайным, а их количество не превышало двух сотен. После революции положение изменилось далеко не сразу. Несмотря на некоторое оживление музейной работы, выразившееся в значительном увеличении посещаемости музея, его научная и собирательская работа вообще, а тем более в области этнографии еще долго не развертывалась; средств на нее отпускалось крайне мало. Постепенный рост этнографических коллекций все же продолжался. Одним из самых интересных поступлений этого периода была переданная в музей коллекция оружия, отобранного у басмачей. В ней имелись фитильные ружья и пистолеты, оружие типа дубинок и кистеней, а также самодельный пулемет, изготовленный, несомненно, европейцем, может быть, бывшим царским офицером, примкнувшим к басмачам.

Этнографическая работа музея стала развиваться с образованием Узбекской республики, когда в штате музея появляются этнографы — Зарифов, Куртмуллаева, Великочепевская, с громадным энтузиазмом работавшие над изучением жизни и быта народов Узбекистана, подбирая коллекции, характеризующие этот быт. Собрание этнографических предметов настолько увеличилось, что возникла необходимость создания специального этнографического фонда. Борьба за культурную революцию в Узбекистане, за раскрепощение женщины привела к организации отдела «Труд и быт женщины Узбекистана». В построенной тогда экспозиции яркими обстановочными сценами, созданными при участии художницы Ковалевской, были показаны отрицательные стороны старого быта, закрепощавшие узбечку и державшие ее в темноте и невежестве. Этим сценам противопоставлялись красочные, сделанные с учетом своеобразия местного быта сцены, изображавшие участие женщины в труде, в колхозной жизни, в школах ликбеза. На особых стендах было показано движение за снятие паранджи и противодействие делу раскрепощения женщины со стороны местных реакционных кругов. Эти годы ознаменовались довольно значительным ростом этнографических коллекций, которые пополнялись не только приобретениями в самом Самарканде, но и привозами специальных экспедиций, охвативших довольно значительную территорию, включавшую Хорезм, Бухару, некоторые города Ферганской долины и ряд районов Самаркандской области. Помимо предметов, отражающих старый быт, внимание этнографов музея привлекала и продукция многочисленных артелей; изучался не только ассортимент изделий, выполненных в старых традициях, но и образцы недавно освоенных, выполненных новой техникой изделий более высокого качества. Тогда же было начато первое научное описание коллекций и составление коллекционных описей, правда, несколько примитивных, но уже соответствующих требованиям музееведной науки.

Наиболее интенсивно велась этнографическая работа музея в 1935—1938 гг. В 1935 г. были созданы большие этнографические разделы в общей исторической экспозиции музея. Большие сдвиги произошли за этот период в научно-исследовательской и научно-собирательской работе. Накопившиеся в фондах музея многочисленные собрания однородных предметов, чаще всего не паспортизованных, настоятельно требовали их научной обработки и определения, научной классификации. Сделать это при крайне недостаточной изученности материальной культуры народов Средней Азии можно было, только встав на путь научного ее исследования. Самаркандский музей, один из немногих музеев Средней Азии, вступил на этот нелегкий, но неизбежный путь. Результатом многолетней работы в этой области было определение и классификация многочисленных, до того не паспортизованных этнографических поступлений, а также большой полевой материал, использованный впоследствии для написания исследований по истории декоративной вышивки, костюма, ткачества и пр. Коллекции пополнялись теперь параллельно с научно-исследовательской работой. В ре-

зультате Самаркандский музей ныне является обладателем многих собраний, имеющих, можно сказать, всеоюзное значение. Фонды музея возросли во много раз. В них насчитывается пять с половиной тысяч этнографических экспонатов, объединенных в 116 коллекций.

Превращение в 1938 г. Самаркандского музея в областной сузило этнографическую работу, но не превратило ее. Приходится все же отметить, что в этот период значительно сократилось количество приобретений, почти прекратились экспедиции. Особенно вредно отразилось замедление собирательской работы музея на тех разделах, пополнять которые, вследствие перестройки всей жизни народа на новых основах, становится очень трудно, а иногда и невозможно.

Помимо изучения различных отраслей материальной культуры, что составляет основную задачу музеев, Самаркандский музей организовал на договорных началах ряд научно-исследовательских работ, выходящих за сравнительно узкие рамки музейной тематики. Так были написаны исследования в области истории народной архитектуры и пережиточных примитивных форм народной идеологии (анимизм, шаманство). Выводы, сделанные на основе этих исследований, весьма ощутительно сказались на более правильном и глубоком понимании вопросов материальной культуры и нашли свое отражение и в разработке экспозиций, и при научной обработке коллекций.

Наибольший научный и художественный интерес представляет собрание декоративных вышивок — сюзане, которое является одним из самых полных и научно обработанных собраний этого рода в Союзе. Оно состоит из 400 крупных предметов, происходящих из 15 районов. В семи из них работники музея побывали лично. Особенной полнотой отличается собрание вышивок Самарканда, состоящее из 140 экземпляров, на которых прослеживается вся эволюция этого искусства за последние сто лет. Многие из имеющихся в музее вышивок имеют подробный паспорт и точно датируются. Некоторые из них являются именными вещами, выполненными определенными художниками-рисовальщиками и вышивальщицами, — подобных экспонатов не имеет и большинство крупнейших центральных музеев. Образцы вышивок дополняются обширными альбомами узоров, выполненными самими рисовальщиками. Сопровождающие их записи сведений о времени бытования узоров и их употреблении делают эти материалы неоценимым источником для изучения как самих вышивок и их истории, так и общих вопросов народного искусства. В ходе работы по собиранию всех этих материалов была разработана методика работы с рисовальщиками и вышивальщицами. Привлекая их к определению вышивок, их просили выделить из всей коллекции лишь тот тип вышивок, подобные которым имелись в их собственном приданом. При заказе рисовальщикам узоров им поручали не рисование узоров вообще, а воспроизведение по памяти узоров вышивок из приданого их самих или их дочерей. Таким образом, в созданных ими альбомах были представлены полные комплекты вышивок 1875, 1880, 1895, 1906, 1916 гг. Этот материал зложил прочную основу для периодизации истории декоративной вышивки прошлого и текущего столетий и решения ряда теоретических вопросов. Далеко еще не весь собранный материал исследован и использован.

Изучение костюма, также стоявшее в центре внимания этнографов музея, показало, что почти невозможно приобретение полных комплектов одежды, относящейся к двум первым десятилетиям настоящего века, не говоря уже о веке прошлом. Довольно большое собрание музея, включающее 350 номеров одежды и около 200 номеров головных уборов, состоит преимущественно из отдельных предметов, не объединенных в комплекты при их приобретении. Исключение составляет очень интересная коллекция, включающая полный костюм жениха и невесты 90-х годов прошлого века из Нур-ата. Эта коллекция была подобрана А. К. Писарчик с помощью многочисленных консультанток одновременно с изучением истории нуратинского костюма.

Невозможность основываться при изучении истории костюма на комплексах полных вещей заставила разработать (как и при изучении истории вышивок) специальную методику, опиравшуюся на составляемые опросным путем подробные реестры приданых у женщин различного возраста. Содержащиеся в этих реестрах описания всего комплекса костюма и украшений, носившихся в точно определенный момент, поставили изучение народного костюма на конкретную почву, давшую возможность проследить всю эволюцию народного костюма.

Изучение текстильных ремесел проводилось в двух направлениях: изучалась техника ткачества (представленная в музее хорошей коллекцией станков, различных орудий труда, образцами материалов и фотографиями, изображающими трудовые процессы) и художественное оформление тканей. Орнаментованные ткани представлены в музее как в одежде, так и в образцах, собиравшихся нередко в местах их производства, в виде маленьких кусочков, выпарывавшихся из лоскутных одеял или скатертей. Не представляя собой особой ценности по отдельности, эти кусочки, собранные в альбомы, которые включают до пятидесяти образцов, становятся ценнейшими источниками для изучения вопроса. В составленных этнографами музея альбомах представлены ткани Хорезма, Бухары, Самарканда, Ургута, Нур-ата. Эти образцы позволили выявить характерные черты продукции каждого района, что послужило основой для определения и датировки среднеазиатских тканей. В области текстиля Самаркандский музей располагает экспонатами, позволяющими показывать почти все виды тканей, производившихся в конце XIX — начале XX в. Набойка представлена образцами набивных тканей, неплохим набором штампов — жолыбов и полным оборудованием мастерской

набечника. На музейных экспонатах можно показать способ орнаментации тонких прозрачных шелковых платков «калгай», орнаментирующихся по способу батикования, как и производство грубой паласной ткани.

Небольшая коллекция ковров (всего 80) представляет значительную научную ценность; все ковры определила и описала В. Г. Мошкова. Ценным является наличие в этой коллекции нескольких ковров из Бешира, обычно плохо представленных в музейных собраниях. Среди них имеется уникальный ковер, относимый В. Г. Мошковой к концу XVIII в. Небольшо и собрание керамики, включающее 250 предметов. Однако в нем представлены образцы художественной керамики почти всех районов Узбекистана и северного Таджикистана. Эта коллекция также прошла научную обработку, для чего привлекались инженер-керамист Рахимов и мастера-гончары. В результате этой работы А. К. Писарчик составила сводку всех собранных материалов.

Тяжелые годы войны почти приостановили этнографическую работу музея. Однако и в эти годы, несмотря на недостаток средств, иногда удавалось приобрести новые интересные экспонаты. Пополнилась несколькими новыми образцами коллекция вышивок, были приобретены оборудование мастерской ювелира, инструментарий резчика по дереву и т. п.

Превращение Самаркандского музея в Музей культуры узбекского народа открыло перед этнографической работой широкие перспективы. Музей, обладающий уже такими ценными в научном отношении собраниями, должен принять все меры для дальнейшего пополнения в первую очередь тех коллекций, которые имеют наибольшее, всеоюзное значение, простеи выезды и экспедиции в необследованные еще районы, выявить имеющихся там мастеров и мастериц, собрать образцы их произведений и изучить их творчество. Необходимо пополнить альбомы рисунков рисовальщиц, образцов тканей, коллекций вышивок, одежды, орудий труда.

Наряду с собиранием и изучением памятников прошлого, внимание этнографов музея должны привлекать и своеобразные современные изделия в национальном стиле. Такой характер носит нередко продукция промысловых артелей, вырабатывающих традиционный, соответствующий вкусам местного населения ассортимент. Этнографы Музея культуры узбекского народа не могут пройти мимо высокохудожественных многоцветных атласов, орнаментированных старинным способом резервации основы, которые получили такое широкое распространение и такое развитие именно в наши дни. Атлас и другие ткани такого рода прочно вошли не только в производство артелей, но и в ассортимент текстильных фабрик Узбекистана. К их производству привлекаются местные мастера, владеющие искусством их изготовления, сохраняющие старинные национальные традиции орнаментации тканей этим сложным, трудоемким, но дающим своеобразный эффект способом. Широкий спрос на такие ткани, детальная мода на них служат стимулом к созданию новых узоров и расцветок. Выполненные этой техникой современные ткани в лучших своих образцах представляют шаг вперед по сравнению с дореволюционными тканями этого же рода. Между тем образцы таких тканей современного производства обычно не представлены в музейных собраниях; нет их и в Самаркандском музее. Создать такие коллекции необходимо.

Не менее интересно современное производство вышитых тюбетеек, являющееся в наши дни одной из наиболее развитых отраслей народного искусства. Эта отрасль никогда не видела такого расцвета, какой она переживает сейчас. Современные тюбетейки много лучше, богаче и разнообразнее старинных. Насколько сам народ ценит хорошую тюбетейку, показывает их высокая стоимость: за особо изысканную тонкой работы тюбетейку платят до тысячи рублей; такой тюбетейкой гордятся, как ценным произведением искусства.

Почетнейшая и важнейшая задача, стоящая перед этнографами Самарканда, заключается в превращении его в сокровищницу памятников национальной культуры, откуда могли бы черпать необходимые материалы и создатели музейных экспозиций, и режиссеры театров, и исследователи, изучающие историю и историю культуры Узбекистана. Лучшая услуга, которую этнографы музея могут оказать своей родине, состоит в любовном собирании, изучении и показе возможно большего количества памятников высокой культуры народов Узбекистана.

О. А. Сухарева

НОВЫЕ ПЕЩЕРНЫЕ СТОЯНКИ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА В УЗБЕКИСТАНЕ

До недавнего времени древний палеолит на территории СССР был представлен материалом Абхазии, нижним слоем пещеры Кник-Коба. В последнее время в 1946 г. у села Лука Врублевская, Каменец-Подольского района, Подольской области, П. И. Борисовским и С. Н. Бибиковым были обнаружены кремни ашельского облика¹. В этом же году на левом берегу Днестра у села Выхватинцы, Рыбинского района, Молдавской ССР, в гроте, раскопанном Г. П. Сергеевым, были обнаружены камен-

¹ П. И. Борисовский, К вопросу о периодизации палеолитических памятников Поднестровья, «Вестник Ленинградского университета», 1948, № 2, стр. 88—89.